

Концепты *ВРАНЬЕ* и *ПРАВДА ЖИЗНИ*
как трансферные смысловые элементы
поэтики Дмитрия Горчева *

И. В. Силантьев

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН, НОВОСИБИРСК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация. Статья посвящена анализу концептов *ВРАНЬЕ* и *ПРАВДА ЖИЗНИ* как трансферных смысловых элементов в творчестве Горчева. Русская литература в изломах своего существования вынашивала сущностный конфликт «вранья» и «правды жизни», который в различных формах, идеях и образах проявлялся в риторическом дискурсе учительных слов и агиографии Древней Руси и литературе российского Просвещения, в русском романе XIX в. и авангарде XX в., в первую очередь в литературной практике обэриутов. У Горчева концепты *ВРАНЬЕ* и *ПРАВДА ЖИЗНИ* вступают в сложное и продуктивное отношение, становясь полюсами «смыслопроводности» в его произведениях. Повествование в них развивается между этими двумя концептуальными точками, порождая в своем движении художественные смыслы, проникнутые ни с чем не сравнимой горчевской иронией и скрывающимся за ней ужасом конечного и окончательного человеческого существования. Сюрреалистические образы в поэтике Горчева выступают точками взаимодействия концептов *ВРАНЬЕ* и *ПРАВДА ЖИЗНИ*. Из сюрреальности нет возврата в обыденную реаль-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Силантьев И. В. Концепты *ВРАНЬЕ* и *ПРАВДА ЖИЗНИ* как трансферные смысловые элементы поэтики Дмитрия Горчева // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 387–394.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2018. № 2
© И. В. Силантьев, 2018

ность, а есть только путь в небытие. Поэтому и весь сюрреалистический мир Горчева крайне неустойчивый, он балансирует на грани бытия и небытия. Это неутешительное положение, но герои Горчева, да и сам автор, никогда не были поверхностными оптимистами. Оптимизм их в другом – в иронии, переходящей в сарказм и помогающей преодолеть заполняющее этот мир «вранье» окончательным смыслом – смыслом независимого от счастья личного существования, понятого как личностная экзистенция.

Ключевые слова: Дмитрий Горчев, художественный концепт, поэтика сюрреализма.

УДК 80/81

DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-387-394

Контактная информация: Силантьев Игорь Витальевич, доктор филологических наук, директор Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, silantev@philology.nsc.ru)

В Летнем Саду обитает животное Кухельклопф.
У животного Кухельклопф нет ни рук, ни ног,
ни глаз, ничего нет – круглое.

Д. Горчев. Животное Кухельклопф

Мы уже обращались к творчеству Дмитрия Горчева в аспекте коммуникативного функционирования художественного текста в Интернете и в плане изучения поэтики незавершенного произведения [Силантьев, 2011; 2017]¹. Данная статья посвящена анализу концептов *ВРАНЬЕ* и *ПРАВДА ЖИЗНИ* как трансферных смысловых элементов в творчестве Горчева.

Русская литература в изломах своего существования вынашивала сущностный конфликт «вранья» и «правды жизни», который в различных формах, идеях и образах проявлялся в риторическом дискурсе учительных слов и агиографии Древней Руси и литературе российского Просвещения, в русском романе XIX в. и авангарде XX в., в первую очередь в литературной практике обэриутов.

У Горчева концепты *ВРАНЬЕ* и *ПРАВДА ЖИЗНИ* вступают в сложное и продуктивное отношение, становясь полюсами «смыслопроводности» в его произведениях. Повествование в них развивается между этими двумя концептуальными точками, порождая в своем движении художественные

¹ Системное литературоведческое осмысление творчества Горчева еще впереди. В эстетических и сюжетных контекстах античного жанра георгики и сквозь призму поэтики «Доктора Живаго» на творчество Горчева обращал внимание В. В. Мароши в статье «О семантике личного имени Юрия Живаго» [2013]. Произведения Горчева получили множество откликов в литературной критике (см. [Быков, 2003; Гедройц, 2002; 2007; Горнова, 2003; Григорьева, 2011; Корнейчук, 2011; Костырко, 2008] и др.).

смыслы, проникнутые ни с чем не сравнимой горчевской иронией и скрывающимся за ней ужасом конечного и окончательного человеческого существования.

Так, в рассказе «Животное Кухельклопф»² вранье и правду жизни связывает сюрреалистический образ животного-картошки, которого купил у жулика и привез из Голландии Петр Первый: «В Летнем Саду обитает животное Кухельклопф. У животного Кухельклопф нет ни рук, ни ног, ни глаз, ничего нет – круглое». Впрочем, рассказчик сразу оговаривается: «Но это врут, скорее всего. В Петербурге вообще так: они когда не знают откуда взялось, то значит царь-пётр привез из Голландии».

Вранье в мире горчевских произведений тотально. Царь Петр Первый как культурный герой Петербурга и России подменяется дураком «царем-петром», который «думал, что это картошка». Обратим внимание и на фактическую подмену самого монаршего имени, теряющего заглавную букву. Это развенчанное имя. Картошка как один из культурных символов петровского времени также подменяется нелепым животным, неведомым и неуловимым: «По ночам оно выкапывается и скачет. Вреда от него особенного нет».

Наконец, вранья добавляет и сам рассказчик. Утверждая, что никто еще не смог изловить животное Кухельклопф («уж очень оно скачет»), рассказчик, тем не менее, вставляет в текст детально расписанный кулинарный рецепт употребления Кухельклопфа в пищу: «От животного Кухельклопф может быть польза: если его изловить, высушить и натереть на мелкой тёрке, то этот порошок можно добавлять в соления – огурцы или помидоры. Тогда огурцы будут хрустящие, помидор ни один не полопается, и баночки простоят лет пять запросто, даже не помутнеют». И сразу же следует опровержение: «Одна женщина (опять врут) поймала животное Кухельклопф и принесла домой, чтобы истолочь. Залила кипятком и пошла в магазин за лавровым листом. Вернулась, а оказывается, к ней в квартиру приходили другие животные Кухельклопф: всё в доме переломали и нарисовали на стене Жопу. В действительности же никому ещё не удалось изловить животное Кухельклопф: уж очень оно скачет».

В рассказе «Загадка» его персонаж Василий Сергеевич приезжает в исчезающий на глазах город: «Вышел Василий Сергеевич на Невском Проспекте и пошёл в кассу. Приходит – а кассы нет. То есть не то, чтобы закрыта или на ремонте: нет кассы, как будто и не было никогда. Газончик на её месте вытоптаный, бумажки валяются, забулдыга какой-то в урне роется. <...> Оглядывается Василий Сергеевич вокруг: опять что-то не так. Ну не так, и всё. Ага, соображает: а где же Казанский Собор, спрашивается? Только что был! Один памятник Кутузову от него остался. Да и тот

² Тексты цитируются по интернет-источнику <http://gorchev.lib.ru/> с сохранением особенностей орфографии и пунктуации (дата обращения 25.06.2018).

неважный – очень уж нос у него уныло висит. <...> Возвращается назад к метро – а метро тоже нет! Стоит голубой дом, в нём булочная, рядом бабушки сигаретами торгуют. <...> Смотрит Василий Сергеевич вокруг: мать честна! А где же канал Грибоедова? Куда подевался? И Адмиралтейства почему не видно, а? Поворачивается он, чтобы старушку расспросить – так и старушки уже нет! <...> Главное, не уследишь: вроде, смотришь на дом – стоит, как влитой, чуть отвернулся – нет дома. Уже половину Невского как корова языком слизнула». В итоге, очутившись в первоизданном лесу как полном отрицании города, исчезает и сам, будучи съеденным волками. Всё вокруг, в том числе и сам герой, оказывается враньем и не имеет права на элементарное обыденное существование. «Так ни хрена он (Василий Сергеевич. – И. С.) ничего и не понял», – подытоживает рассказчик.

Рассказ «Колечко» сопрягает концепт *ВРАНЬЕ* с предметом женского обихода – колечком. Мужчина одевает забытое женщиной колечко и исчезает, превращаясь в некую воздушную субстанцию, которая выдувается вместе со сквозняками и перемешивается с воздухом из квартиры соседей: «Перемешался мужчина с рыбным воздухом – вот и нет человека». Любопытно, что в таком перемешанном состоянии герой еще сохраняет какое-то сознание: «А ведь собирался он всю зиму заклеить окно. <...> Ну и ладно, подумал мужчина, в следующую зиму заклею». «Нет! – звучит в тексте голос авторской правды. – Обязательно, обязательно нужно заклеивать окна. Даже если кажется, что будто бы скоро весна, всё равно нужно».

На основе концепта *ВРАНЬЕ* построен и рассказ «Негры». В рассказе все действующие лица, в самом деле, Негры, причем с большой буквы, и даже царь Петр. Не являются таковыми только «немцы и голландцы», которыми «Негры» Петербурга брезгуют, потому что «от них кислятиной воняет». А при коммунистах, как утверждает рассказчик, «Негры переехали в Москву».

«Есть у Негров такая легенда, – сообщается в тексте, – что однажды за ними прилетят два Гуся: один серый, другой белый, и возьмут их живыми на небо. Там Негры станут светлыми Ангелами. Потому что на небе всё не так: что было черным, становится белым». В последнем утверждении, без сомнения, заключена авторская правда жизни.

Достается в сюрреалистическом мире горчевского вранья и Ленину, который предстает в рассказе «Язык» забавным хитроватым монстром с очень длинным языком, таким как у лягушки, способным выхватывать кусочки сахара из сахарницы и слизывать муху с плеча своего хозяина. Вот как это было: «Ленин как раз говорил речь на Путиловском заводе, а тут ему муха на плечо села. Ленин как кепкой махал, так даже головы не повернул – слизнул муху и дальше про подразверстку картавит».

Деревья в сюрреалистическом мире Горчева живые и неправильные, больше похожие на городских хулиганов. Так, в парке лесотехнической академии из одноименного рассказа «все деревья дикие – кривые и грязные. Они слоняются по парку, мусорят листьями, а некоторые даже выцарапывают на себе оскорбительные для людей картинки. Только люди не понимают, что эти картинки оскорбительные: например, деревьям кажется очень смешно то, что у людей есть уши. Деревья рисуют на себе палочку с ушами и хохочут... Иногда несколько деревьев насосутся какой-то дряни из подземного ручья и все передерутся. Неподалёку от железнодорожного моста есть целое кладбище таких дохлых деревьев». Про деревья, конечно, художественное «вранье», а горчевская правда жизни, как всегда, про людей, прячущихся за образами неприкаянных деревьев.

Нередко сюрреалистическое отношение вранья и правды жизни в художественном мире Горчева переплетается с открытой фантастикой, как, например, в рассказе «Гриб», согласно которому «в середине Москвы, там где все думают, что Кремль, стоит огромный Гриб. Этот Гриб испускает из себя такие галлюциногены, что всем кажется, будто бы вокруг сияют золотые купола, гум-цум, чистые пруды и большой театр. На самом же деле, в Москве стоит всего пять-шесть покосившихся избушек, в которых живёт начальство, остальные же москвичи живут в землянках, это которые зажиточные, а так в основном под кустиком или в ямке. Но сами москвичи про это совершенно не догадываются».

В рассказе «Город 3» город, являющийся, с одной стороны, порождением фантазии героя, а с другой стороны, местом и формой его существования, сам восстает против авторской «правды жизни» и хоронит ее во «вранье» своего фатального перерождения: «А этот город был уже третьим. Мне казалось, что я чему-то научился на первых двух. Я старался. <...> Я потихоньку обживал свое новое пространство, размечая улицы и кварталы желтыми каракулями на снегу и пеплом, сыпавшимся с измятых сигарет. Но уже тогда город стал вести себя неправильно. Однажды я проснулся ночью на совершенно незнакомой улице, до того темной и прямой, что она просто не могла бы прийти мне в голову. На ней жили кашляющие от злобы собаки, и когда она все же закончилась, я снова увидел ненавистную линию горизонта, из-за которой выползала на бесконечную помойку алюминиевая луна. <...> город усомнился... в моем существовании. <...> Город торопливо переделывал придуманных мной людей, он задавил машиной счастливую бабушку с белым платочком, плясавшую возле пивного ларька, замусорил все улицы и перегородил их троллейбусами со сваренными коротким замыканием рогами. Он населил город близнецами-милиционерами, которые размножились простым делением. <...> И прохожие, которых я придумывал, чтобы было не скучно ходить по улицам, стали какими-то пыльными и застиранными. Их по утрам вывозили древними растрескавшимися автобусами из каких-то хранилищ

на краю города и туда же свозили по вечерам, сваливая как попало, вперемешку с прохудившимися молочными пакетами. Я ходил по своему городу и не узнавал его. Неужели все это сочинил я? Хотя вон она – пуговица от моей рубашки в асфальтовой трещине. <...> Ну и сжег я этот город. Извините, так уж вышло... Бросил в речку сигарету, все как запылало... Пожарные набежали с пирогами и блинами, да где там... Все бред. Пыль и пепел».

Апофеозом сюрреальности горчевского мира и мифа выступает символ и образ бесконечно тянущейся и наполненной невероятными событиями ночи в одноименном рассказе: «В последний раз такая длинная ночь была отмечена в Петербурге в тот самый год, когда маленький Саша Пушкин замёрз по пути из Царского Села в Старую Деревню, а Лев Толстой лишился половины своей бороды, вырванной злым чухонским ветром. В ту ночь мёртвая чужь всплыла со дна своего озера и, вооружившись тевтонскими рогатыми вёдрами, разграбила пристанционный продуктовый ларёк. Незвестная баба родила тогда в Лахте килограммовый пакет гречи. Крейсер Аврора сбросил в ту ночь старый свой корпус и можно было видеть, как в прозрачном его чреве копошатся бледные волосатые большевики. <...> И много ещё произошло в ту ночь чудных и страшных происшествий, которым не осталось ни свидетелей, ни свидетельств. И лишь мертвецкий нафталиновый запах напоминает о них до сих пор на некоторых станциях подземной железной дороги».

Вранье переходит в ужасы правды жизни в рассказе «Поселок Переделкино», в котором «после полуночи из Чорного Пруда, в котором не отражается даже луна, вылезают Писатели, умершие от водки. Они собираются вокруг сияющего магазина и смотрят внутрь, облизываются. Ещё они стонут: сначала тихо, а потом всё громче и громче, пока у продавщицы не встанут дыбом волосы. Тогда она выносит на крыльцо бутылку самой дешёвой водки и разбивает её об асфальт. Мёртвые писатели тут же набрасываются на эту Мёртвую водку, каждому достаётся грамм по семь, не больше, но им много и не надо».

Лирический герой Горчева искренне удивляется вранью, проникшему в умные человеческие вещи. «В телефоне разговаривают не ваши знакомые и родственники, а Телефонный Чорт. Он умеет подделывать все голоса, но плохо, потому что так, как в телефоне, люди никогда в жизни не разговаривают, но всё равно почти все верят, что это им звонят настоящие люди. При этом Чорт одновременно разговаривает вашим голосом с тем, с кем будто бы разговариваете вы. Иногда всё правильно говорит, а иногда специально наврёт» («Телефонный Чорт»).

Вранье в горчевском мире персонифицируется, в итоге оборачиваясь чертом. И горчевская правда жизни заключается в том, что никакой правды нет вообще, а весь мир заполнен враньем и сам является враньем. Потому он такой зыбкий, то и дело срывающийся в измерение сюрреаль-

ности. Сюрреалистические образы, заметим, в поэтике Горчева в целом выступают точками встречи и взаимодействия концептов *ВРАНЬЕ* и *ПРАВДА ЖИЗНИ*. Из сюрреальности нет возврата в обыденную реальность, а есть только путь в небытие. Поэтому и весь сюрреалистический мир Горчева крайне неустойчивый, он балансирует на грани бытия и небытия. Чуть отвернешься – и нет его, совранного мира. Это неутешительное положение, но герои Горчева, да и сам автор, никогда не были поверхностными оптимистами. Оптимизм их в другом – в иронии, переходящей в сарказм и помогающей преодолеть заполняющее этот мир «вранье» окончательным смыслом – смыслом независимого от счастья личного существования, понятого как личностная экзистенция.

Список литературы

- Быков Д.* Дмитрий Горчев. Сволочи. Рассказы. СПб.: Амфора, 2002. 250 с. (Из книг Макса Фрая) // Новый мир. 2003. № 5.
- Гедройц С.* Дмитрий Горчев. Сволочи: Рассказы / Послесл. А. Житинского. СПб.: Амфора, 2002 // Звезда. 2003. № 12.
- Гедройц С.* Дмитрий Горчев. Жизнь в кастрюле: Рассказы. СПб.: Геликон Плюс, 2006; 2007 // Звезда. 2007. № 1.
- Горнова Н.* Добрейший мизантроп // Литературная газета. 2003. № 13.
- Григорьева Т.* Дмитрий Горчев. Деление на ноль. 28.03.2011. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/21399> (дата обращения 25.06.2018).
- Корнейчук Ю.* Волшебные страхи (Дмитрий Горчев. Жизнь без Карло; Деление на ноль) // Октябрь. 2011. № 9.
- Костырко С.* Дмитрий Горчев. Милицейское танго. СПб.: Амфора, 2007 // Новый мир. 2008. № 1.
- Мароши В. В.* О семантике личного имени Юрия Живаго // Новый филологический вестник. 2013. № 4. С. 35–45.
- Силантьев И. В.* Дмитрий Горчев и советская тема в его блоге // Ностальгия по советскому. Томск, 2011. С. 449–460.
- Силантьев И. В.* Принцип незавершенности в творчестве Дмитрия Горчева // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 125–134.

Article metadata

Title: Concepts of *LIE* and *TRUTH of LIFE* as Transfer Semantic Elements of Dmitry Gorchev's Poetics

Author: I. V. Silantev

Author's e-mail: silantev@philology.nsc.ru

Author's affiliation: Institute of Philology SB RAS

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concepts of *LIES* and *TRUTH of LIFE* as transfer semantic elements in the works by Gorchev. Russian literature at the breaks of its existence bore the essential conflict of “lies” and “life truth”, which in various forms, ideas and images manifested itself in

the rhetorical discourse of teaching words and hagiography of Old Russia and literature of the Russian Enlightenment, in the Russian novel of the 19th century and the vanguard of the 20th century, first of all in the literary practice of the oberiuts. In Gorchev's works the concepts of "lies" and "truths of life" enter into a complex and productive relationship, becoming the poles of "sense-conductivity". The narration develops between these two conceptual points, generating in its movement artistic meanings, imbued with the incomparable Gorchev's irony and the horror of the final human existence behind it. Surrealistic images in the poetics of Gorchev act as points of interaction between the concepts of lies and the truth of life. From surreal there is no return to everyday reality, but there is only a path to non-existence. Therefore, the entire surrealistic world of Gorchev is extremely unstable, it balances on the verge of being and non-being. This is a disappointing situation, but the heroes of Gorchev, and the author himself, have never been superficial optimists. Their optimism is different – in irony, turning into sarcasm and helping to overcome the "lies" that fill this world with a final meaning – the meaning of personal existence, independent of happiness, understood as personal existence.

Key terms: Dmitry Gorchev, artistic concept, surrealism.

Reference literature (in transliteration):

Bykov D. Dmitriy Gorchev. Svolochi. Rasskazy. St. Petersburg, Amfora, 2002, 250 p. (Iz knigi Maksa Fraya). *Novyi mir*, 2003, no. 5. (in Russ.)

Gedroits S. D. Dmitriy Gorchev. Svolochi. Rasskazy. Posleslovie A. Zhitinskogo. St. Petersburg, Amfora, 2002. *Zvezda*, 2003, no. 12. (in Russ.)

Gedroits S. D. Dmitriy Gorchev. Zhizn' v kastyule. Rasskazy. St. Petersburg, Gelikon Plyus, 2006; 2007. *Zvezda*, 2007, no. 1. (in Russ.)

Gornova N. Dobreishiy mizantrop. *Literaturnaya gazeta*, 2003, no. 13. (in Russ.)

Grigorieva T. Dmitriy Gorchev. Delenie na nol'. 28.03.2011. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/21399> (accessed: 25.06.2018). (in Russ.)

Korneichuk Yu. Volshebnye strakhi (Dmitriy Gorchev. Zhizn' bez Karlo; Delenie na nol'). *Oktyabr'*, 2011, no. 9. (in Russ.)

Kostyrko S. Dmitriy Gorchev. Militseiskoe tango. St. Petersburg, Amfora, 2007. *Novyi mir*, 2008, no. 1. (in Russ.)

Maroshi V. V. O semantike lichnogo imeni Yuriya Zhivago. *Novyi filologicheskiy vestnik*, 2013, no. 4, p. 35–45. (in Russ.)

Silantiev I. V. Dmitriy Gorchev i sovetskaya tema v ego bloge. *Nostal'giya po sovetskomu*. Tomsk, 2011, p. 449–460. (in Russ.)

Silantiev I. V. Printsip nezavershennosti v tvorchestve Dmitriya Gorcheva. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2017, no. 4, p. 125–134. (in Russ.)